

Ловить солнце / рассказы

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 24 января, 2025

Ловить солнце / рассказы ЛОВИТЬ СОЛНЦЕ

Висеть на заборе больно и восхитительно.

Закат бьет по глазам. В ладонь вонзается ребро доски. Ноги с трудом достают до продольной планки. За забором – лес. Правило по впитыванию вечернего солнца: оставаться на месте, пока оно не скроется. Взгляда не отводить, только моргать. В глаза вливается жидкое золото, застит лес, застит все, что у Кролика по бокам и за спиной: задний фасад дома, неряшливые кусты сирени, вечерние запахи, старый сортир и холодную, вечно сырую внутри баню.

Спрыгнуть и бежать в дом можно, когда от земли ощутимо потянет холодом, а из леса, съедая остатки света, поднимется серое марево. Вот тогда можно. Тогда отцепишься от забора, шарахнешься пятками оземь, прибежишь, а тебе сразу: «Ну что, голодная?».

Пробка змеилась, как река. Крыши машин отливали сталью. Закатное солнце заставляло опускать козырьки, надевать темные очки и не смотреть на дорогу. К городу медленно двигалась армия ослепленных. Лучшее что можно сделать, расслабиться: тело все равно скоро возьмет свое. Напомнит о себе затекшими ногами, полным мочевым пузырем.

Все-таки, какое облегчение, что дело сделано! Самое удивительное: маклер нашел ее сам.

– Здравствуйте, я Кузенков.

– Простите?

– Вы ведь Зуева, Мария Дмитриевна?

– Да

– Ну вот.

– Простите?

– Это же ваш участок 12 в «Звезде»?

Она сразу не поняла даже.

– Э. Мой.

– Ну вот. Продавать не собираетесь разве? Слышал, что планировали. Помощь не нужна?

Где слышал? От кого слышал? Но так или иначе – все и закрутилось.

В поселке «Звезда» ее все звали Кролик. Могли бы, наверное, и по-другому – Воробей, Мышка, Машка. Но прилип Кролик. Видно, все-таки уши сыграли роль. И шея.

В самом конце улицы, в тупике покоилась высокая куча лежалого гравия, поросшего сорняками. Вокруг кучи – участки, которые она помнила совсем смутно.

Вообще, от каждого дома было тогда свое ощущение – улица как будто складывалась из отдельных миров. Таких разных, что, казалось, на них погода, температура и время суток – разные. Последние участки остались в сознании как пробел. Слева – кусты плотные, небольшой, коричневый, кажется, дом в глубине. Она вообще на него хоть раз заходила? Вроде там мальчики какие-то жили постарше.

Справа. Участок справа был другим. Довольно открытым, ну или кусты были рваными. Кажется, дом был крашен морковно-красным. Там жила женщина с бигудевой головой и подразумевался мужчина, которого Кролик, вроде, никогда и не видела. Или видела? Синие штаны, долговязость?

Иногда вдоль тамошнего забора – рабица – дети рвали грибы. Во всяком случае, что-то такое. Она пыталась взглянуть в воспоминание, но память походила на очки с неправильными диоптриями. Да и само детское зрение – сплошные искажения.

Как бы там ни было: сначала они ничего не поняли. Было часов пять вечера и душно. Медленно заходила гроза.

Они сидели на куче песка в середине улицы. Вдруг прибежала Ритка и, размахивая руками, стала звать за собой. Потом так же быстро унеслась обратно, в свой конец улицы. На нее было

непохоже. Подхватились, рванули следом.

Кролик пробежала мимо своего участка слева. Потом справа – Риткин. Потом начиналась та самая, чужая, дальняя часть улицы. Подбегая к тупику, увидели на траве красное. То ли тряпки, то ли сгустки какие-то. И Ритку, нагибающуюся, слоняющуюся там как цапля.

Это было так странно, что Кролик остановилась. Хорошо помнит: подумала про мухоморы.

От быстроты воздух резал легкие холодом. Перевела дыхание, понеслась дальше. Еще на бегу стало ясно: головки роз. Много. Они усыпали исхоженную траву и колею, от участка до участка, некоторые залетели на кучу щебня. Ритка собирала их в подол. Остальные тоже кинулись. Цветов было много, россыпь.

Но вот пришла коренастая риткина мать в ситцевом халате с запахом. Велела: «Идем, Рита». Ритку увели, а они еще собирали, пока не собрали все.

Кролик кое-как открыла калитку – не рассыпать! Бросилась искать бабушку: по лицу бабушки прошла рябь, она сказала: «В таз синий клади, эмалированный».

Была пятница. Ко всем приезжали родители.

После полдника дети вернулись на песчаную кучу. Было душно. Отсюда смотрели, кто выныривает из-за угла, со стороны станции. Родители появлялись, и кто-нибудь из детей уходил, цепляясь за сумку отца или пакет матери.

Кролик ждала. Когда из-за поворота показался отец в линялых голубых летних брюках, а на шаг позади – мать в джинсовой юбке на пуговицах, она перестала дышать, потом побежала навстречу.

Поздним вечером, мать и бабушка смотрели на террасе новости, а Кролик лежала, положив голову матери на колени. Было неудобно. Бабушка с напором шептала:

– Ну он взял, и все ее розы поотрезал.

– Господи! И что?

– Что? И на улицу выбросил.

Тут она поднесла губы к маминому уху и неслышно зашептала.

Мать отвечала:

– Надо же. А я и не знала.

– А никто не знал, – назидательно закончила бабушка,

оторвавшись от маминого уха.

– И что она? – спросила мать.

Но Бабушка, наверное, только пожала плечами.

В телевизоре заиграла протяжная, жалостливая мелодия, начался прогноз погоды. У Кролика затекла шея и голова и все вообще, но она терпела пока можно терпеть.

Розовые головки остались плавать в китайском, ярко-синем эмалированном тазу, под крышей уличного умывальника. Там сейчас было темно, свежо и влажно, гроза прошла стороной, глухо гроыхая далеко за лесом.

Первой дала знать о себе шея. Затекла. Солнце ушло ниже линии глаз и ехать уже почти не мешало. Все прошло на редкость спокойно. Все эти справки-бумажки, беганье по инстанциям непонятным – Кузенков взял на себя. За деньги, естественно.

Просил, надо сказать, недорого. Когда они встречались в первый раз – она отвозила ему аванс – даже решила: уж если он аферист – таких денег не жалко. Ну пропадут – пропадут. По сравнению с тем, что хотели агентства – а она мельком глянула по газетам – было очень даже по-божески.

Но оказалось – не аферист. Только пахло от него какой-то затхлостью.

Кузенков попросил ключи. Хорошо, что все эти годы, она хранила ключи в одном месте, в небольшой плошке из перегородчатой эмали. Когда настал момент – искать было не надо.

Он сказал: – Вы, наверное, хотите разобрать дом? Ценное вывезти?

Ценное. Удивительно, но ничего подобного не хотелось. Она помотала головой.

– Уверены? Многие швейные машинки вывозят, велосипеды. Инструменты. Я уже лет восемь этим занимаюсь, знаю. У самого участок на Восточной.

Вот интересно, когда она ездила туда – отвозила ключи, довозила документы – она каждый раз думала о будничном, и о том, как это шоссе, которое она тоже помнила по детским поездкам – изменилось. Настолько, что в первый раз она с трудом узнала переезд, который обозначал, что две трети пути пройдены. В детстве ее почти всегда на этом месте укачивало.

Воспоминания лезли в голову по пути обратно. И что интересно, ей казалось, что чем настойчивее воспоминание, тем оно пустяшней, незначительнее. Такой малюсенький камушек, вывалившийся из калейдоскопа, рисунок в котором с тех пор поменялся, и вставить кусочек обратно нельзя. Или можно?

Место для машины на участке Большой Юльки и ее брата Ромки было вымощено бетоном. На нем загорали. Место отличное – улицу видно. Кусты смородины и крыжовник по краю – удобно. Как будто у бассейна.

В то утро мать взяла руки Кролика в свои, перевернула, осмотрела, погладила:

– Плохо ты загораешь, дочка. Бледная. Руки надо переворачивать и солнцу подставлять. Вот так вот. И лоб открывать.

Она твердо провела рукой по ее лбу и неприятно заправила челку под косынку. И уехала, потому что было утро понедельника.

После завтрака солнце скрылось, и пошел дождь.

Мальчики нашли толстую темно-зеленую гусеницу и трех слизняков. Все собрались под навесом и стали их резать. Кролик сама не резала, только смотрела. Гусеница била хвостом, и из нее потекла горчишно-зеленая жидкость. Слизняки вроде бы оказались внутри такими же, как и снаружи – студенистыми, коричневыми.

Когда интерес исчерпался, Большая Юлька сказала брезгливо: «Ну Рома». И мальчики растерли остатки слизняков и гусеницы подошвами. Остались пятна, от которых трудно было оторвать глаза.

К полудню начался как бы новый день – солнце вышло заново, девочки отправились загорать на бетон. Кролик подошла к делу

основательно. Поставила старую раскладушку на лучшее место, в центре. Притащила с Юлькиной террасы две подушки и улеглась, вывернув руки тыльной стороной наружу, как велела мать. Лоб подставила солнцу.

– Тебе лучше с челкой, – сказала Большая Юлька, – ты без нее как крыска.

Кролик смолчала.

– А я знаю, почему цветы все на дорогу выкинули.

Кролик смолчала снова. С Юлькой так лучше всего, и когда задирает, и вообще. Но было очень любопытно. Она ждала. Юлька сходила к кустам и нарвала полные карманы крыжовника. Вернулась и стала кусать ягоды, похожие на маленькие арбузы. Иногда плевала на бетон. Кролик ждала.

– Короче, там такое дело. Тетка там эта, она под матрасом зачанку прятала. А муж ее узнал. И сказал: – Откуда такие деньги, по мужикам что ли шляешься?

Кролик ничего не понимала, но слушала внимательно. Юлька снова переключилась на крыжовник.

– И чего? – не выдержала Кролик.

– А она сказала: нет! А он не поверил и все ее розы посрезал. Они помолчали. «Шляться по мужикам» звучало былинно. Кролик почему-то вспомнила трех Богатырей, которые, тоже, кажется, все время шлялись и еще решали куда – направо, налево. Надо будет спросить.

– Все. Зажарилась. Я в беседку.

Юлька Большая сорвала еще ягод и ушла. Кролик осталась одна. Ощущение челки под косынкой было щекотным и неудобным. Но она лежала, загорала, почти не шевелилась. Правда, в туалет встать пришлось, но терпела до последнего.

К полднику вернулась Юлька и сообщила, что назрело решение играть в карты и пить какао. Но Кролик сказала: «Я еще полежу».

Солнце уже заползало за забор, съехало со лба и груди, хотя Кролик подняла спинку раскладушки, чтобы удержать солнце на лбу как можно дольше. Теперь остатки солнца, уже не жаркие, зависли на ее талии и животе, а пальцы на ногах замерзли.

Зато у нее было время посчитать дни до приезда родителей.

Прикинуть, как на подольше растянуть оставшиеся полпакета мятных пряников. Почувствовать тоску, когда набежали облака, вспомнить, как они слушали в субботу «Аббу», когда папа чинил ее велосипед, сравнить вкус оладьев от Юлькиной бабушки и от своей. Ей нравилось перебирать мысли, которые окрашивались в разные цвета, в зависимости от того, куда по ее телу переползало солнце.

Ночью резко заболело горло и поднялась температура. Лоб, грудь и плечи стали гореть, потом болеть. Бабушка в халате сидела на краю ее постели. Даже в слепящем свете ночника было видно, как сильно Кролик обгорела. Бабушка смазывала ее подсолнечным маслом, потом обмотала ручку столовой ложки ватой, вымочила в растворе люголя, заставила Кролика широко открыть рот и яростно покрутила в нем адским орудием. Хуже, казалось, быть не могло.

Но когда Кролик, наконец, провалилась в окрашенный красным и коричневым сон, из него захотелось выбраться. Сон был наполнен слизняками и извивающимися гусеницами попеременно с богатырями на воинственных конях с опасными копытами.

Пролежала она больше недели. Когда в пятницу вечером приехала Мама, то сказала, что солнце Кролику противопоказано до конца лета.

В то, что Кузенков продаст дачу, ей не верилось.

Он все-таки совершенно не походил на маклера, вообще не был похож на продавца. Никакой шустрости в нем. Пару раз он приезжал на встречи с сыном лет восьми – тот не отходил от отца и смотрел в основном в пол.

Но месяца через два после того, как она, наконец, сдала ему все документы, запасные ключи и забыла про этот сюжет, Кузенков вдруг проклянулся и сообщил – есть покупатели, смотрели дом, готовы брать. Осталось подписать бумаги.

Неделя была загруженной. Отчеты, машина в сервисе, дочка третью неделю в соплях.

Выяснилось, что покупатели – молодая семья – спешит, так как

вопрос с летним отдыхом надо решать. Готовы накинуть за то, чтобы получить имущество с обстановкой. Тут она окончательно перестала сомневаться в талантах Кузенкова – запросить отдельные деньги за старую, пропахшую сыростью мебель, за сарай полный неразобранного хлама – уметь надо. Ей не хотелось брать за это денег, возникла даже мысль отказаться, но в итоге не стала. Договорились на вечер четверга – заберет машину из сервиса и сразу приедет.

Встречались у сторожки.

Она умудрилась совсем не запомнить покупателей. Лишь абрис молодой женщины с младенцем на руках, контуры мужчины и второго ребенка, мальчика. Возможно, дело было не в них, и это она, Кролик, в тот момент чувствовала себя так странно, что никак не могла сосредоточиться на окружающем. Расписалась там, где Кузенков поставил галочки. Он проверил. Все правильно.

Они еще раз справились, поедет ли она что-то разбирать. Она сказала нет, и семья покупателей откланялась. Остались с Кузенковым. Казалось, он чего-то ждет, может быть каких-то слов. Еще раз поблагодарила.

Теперь он должен был передать договор в регистрационную палату и потом ждать около месяца. После этого сделка считалась состоявшейся. Но они передали ключ новым владельцам сразу. Пусть начнут убираться, пусть разгребают сарай.

Подшли к машинам.

Кузенков открыл багажник. Только теперь она заметила, что волосы у него вероятно некогда вились, они были еще довольно густыми, лишь на макушке наметилась прорежь. Лицо – плоское, все части которого как бы перетекали друг в друга без явных границ. Но, в сущности – доброе лицо, а при известном настроении, при удачном освещении, могло бы быть и симпатичным.

В багажнике Кузенкова лежал ее синий эмалированный таз. Бабушкин таз. Несколько секунд они молча его разглядывали.

– Если вы не против, я бы его забрал. Жена варенья варит много.

– Конечно.

– Сейчас таких не делают.

– Да.

Кузенков улыбнулся и сел за руль. Машина хрюкнула, дернулась; Кузенков стал сдавать задом. Все вдруг очень замедлилось, Маше показалось, что время потянулось как жвачка: вот пыль под колесами, вот маленький рывок. Она начала колотить по капоту над водительской дверью. Кузенков изумленно глянул, машина с выдохом замерла. Он приоткрыл дверцу.

– Отдайте таз.

Он явно не сообразил, что она имеет ввиду.

– Это мой таз. Мой. Пожалуйста. Отдайте.

Он вылез, с тихой обреченностью открыл багажник, а она все твердила: «Это мой таз», твердила и твердила, пока Кузенков не уехал.

Тем же летом, на которое пришлось розы, слизняки и лихорадка, Кролик умудрилась три раза за один день сбить коленку о булыжники на одном месте.

Когда она пришла мазать ногу зеленкой по второму кругу, бабушка сказала, что, если будет третий, домой можно не возвращаться, не пустит.

Третий раз случился примерно через полчаса.

От подступившего к горлу отчаяния Кролик села на траву прямо там, у подлых камней посередине улицы и рыдала так, что бабушка сама пришла и молча увела к зеленке и экстренному «Гематогену». Как она поняла? Неужели она тогда услышала, как я плачу, – думала Кролик на обратном пути после подписания бумаг. Неужели было так громко?

• РАСТЕРЯННЫЕ

Маша раздражена. От этого Маша чувствует себя голой, не смотря на ворох теплой одежды и перчатки, которые не хочется снимать даже в машине.

А Алина говорит. Точнее болтает без умолку. Ее нежное, круглое лицо контрастирует с шершавыми интонациями низкого, ломанного голоса.

Маша, запертая с ней в автомобиле, чувствует себя заложницей. Позади, в детском кресле сидит Машина дочка. Про себя Маша называет ее Кроликом – когда-то ее саму так звали в детстве. Рядом – Роза – дочка Алины, прозрачная двухлетка с острым носиком и вечно приоткрытым ртом, навсегда удивленная.

Девочки сонные.

С ночи идет снег. Сейчас он везде – грязный, чистый, кучами, барханами. Дорога хлюпает, на стекла машины падают бесформенные хлопья.

Маша везет детей на урок музыки. Ехать по слякоти, объезжая дорожные стройки, минут десять.

Алина рассказывает про день рождения мужа.

Про то, что ее родители преподнесли им сюрприз: портрет Алины, Андрея и Розы в виде царской семьи. Масляный, – подчеркивает она.

– И наряды на нас такие торжественные, накидка, знаешь, у него меховая, с такими капельками и у меня как будто корона и похожие мы очень на себя, прямо как в жизни. Как они только догадались!

Чтобы не молчать, Маша спрашивает:

– Андрей доволен?

– В спальне повесил. Смотрит подолгу и улыбается.

Маша видела мужа Алины. Три дня назад. На детской елке. Говорил мало, снимал праздник на видео, а когда не снимал, держал дочь на руках – нежно, как нездорового зверька.

Глаза у него прозрачные. Водянисто-голубые и блестят. Маше, когда она в них случайно заглянула, показалось, что она ухнула в провал. Захотелось тут же выпрыгнуть, накинуть плед и шарахнуть виски. Еще он был энергичен, спортивен, в движениях скуп. Явно мечтал поскорее вырваться с детского праздника в свою жизнь. Впрочем, в этом Маша его хорошо понимала.

Сразу стало ясно, что Алине он изменяет – плотно, привычно, как витамины пьет.

Позже они одевали детей рядом, на соседних банкетках.

Муж Маши расплачивался с администратором, а звенящий голос Алины доносился из танцевального зала, где она одаривала кого-то информацией про распродажу утепленных брюк.

Андрей поворачивал Розу уверенно и мягко, кантуя ее как опытный почтальон, заклеивающий скотчем коробку. Маша с трудом пыталась совладать со своей вертящейся девочкой.

Андрей потянулся курткой – та висела на уровне Машиной головы – и, словно опоры ради, плотно приложил ладонь Маше на спину. Улыбнулся, она отвела взгляд.

Надо было, конечно, отреагировать. Но не пришлось. Остальные вернулись.

Потом все прощались на улице, Алина заливисто смеялась и пересказывала только что виденное.

– А как он на Розоньку посмотрел, да? А она так засмушалась. Да, Розунчик? Высокий был Дед Мороз, большой? Да? И подарок неплохой такой, правда?

Наконец, разошлись, чуть не забыв отдать друг другу подарки.

По команде жены Андрей достал из багажника и вручил машиному мужу пакет. Там лежала бутылка брюты, подставки под чашки со смеющимися котятками и елочная игрушка – белая лошадка-качалка, расписанная цветами.

Дочка тут же в нее вцепилась.

Машина стоит на перекрестке в левом ряду. Щелкают поворотники. Снег прибывает.

Все должно быть не так, – говорит себе Маша, сама не понимая, про что. Не так.

Лобовое стекло ловит шмат снежной каши.

Алина, тем временем, поменяла тему и повествует, как ее старшая сестра купила ботфорты у женщины, которая живет в Риме и возит в Москву итальянские шмотки.

Маша смотрит в зеркало заднего вида на девочек. Только бы они не почувствовали этого – снега, холода, раздражения. Окутывающий их сонный пузырек должен остаться неуязвимым, неприкасаемым.

Через триста метров после перекрестка Машу внезапно тормозит гаишник. Она резко сдает к обочине. Он козыряет, представляется.

Из его скороговорки Маша понимает только «рота». «Рота – рвота», – крутится в мозгу рифма. Алина притихает.

Гаишник просит документы. Маша привычно ищет их вслепую. Рука, пометавшись во чреве сумки, вспоминает, как перекладывала гляцевый водителский бумажник в рюкзак.

– Кажется, дома забыла, – говорит Маша. И зачем-то лепечет: – Я давно вожу, ни одной аварии, никогда. Мы детей везем на занятия.

На Гаишнике тоже мокрые хлопья – на щеке, под глазом, везде.

Маша понимает, что чуда не произойдет.

– По закону, у меня есть три часа, чтобы довести вам документы.

В его глазах появляется намек на удивление. Маша оборачивается к Алине, они смотрят друг на друга растерянно, та неуверенно кивает, сглатывает. Маша вдруг чувствует к ней ужасную нежность.

– Я мигом, – говорит Маша.

Девочки не понимают, почему тетя Маша резко выскакивает. Она так торопится, что даже не целует дочку. Просто обернувшись, шепчет, что очень быстро вернется.

Она оставляет зажигание включенным. Сует Алине стопку детских книжек из бардачка и два пакета детского сока яблоко-банан. Ободряюще смотрит Алине в глаза.

Машин паспорт остается у мента.

Она не допустит, чтобы хаос возобладал. У этого утра будет ясный, доведенный до конца сюжет, и она сможет его пересказать: отвезла дочь и ее маленькую подружку на музыку. Это станет фактом. Рисунком на поверхности времени. А чувства отодвинутся до расстояния неразличимого фона, на который необязательно обращать внимание.

Она пересекает снежное уличное месиво, уворачивается от брызг. Жарко. Ноги отяжелели, как в повторяющемся детском сне, где надо пробежать вдоль дачной улицы по неотложной, но непонятной надобности. Надо, а не получается – ноги не слушаются.

Маша голосует у обочины, на повороте. Тормозит шестерка. Она думала, что такие перевелись еще в девяностые. Лобовое стекло украшено двумя иконками, освежителем воздуха в виде елки и

силиконовым чертом на присоске.

Шофер – бойкий грузин, двадцать пять лет в Москве, не прочь поболтать, отогнать от себя смыкающееся за стеклом снежное утро – но беседа не клеится, так как у Маши нет сил. Он получает инструкцию ждать у подъезда.

Двор тесный. С тех пор как на первом этаже развелись конторы и офисы, борьба за машиноместа стала напряженной и постоянной.

Маша напоминает себе, что ничего ужасного не происходит. Просто нервное утро. Просто досада. Сейчас все выровняется: она довезет документы, она отправит девочек заниматься, она обещает себе награду. Хороший кофе. Не стоит так реагировать.

Квартира такая тихая, таинственная.

Маша вдруг вспоминает, как ее привозили с дачи в конце лета. Все было тем, да не тем: пахло по-другому – пылью, покоем, размеры комнат – другие, потолки – выше, все – чужое, как воспоминание о некогда знакомом мире. Уже тогда она знала, что впечатление это – недолгое. Через день другой оно сотрется, и все сдвинется на прежнее место. Станет снова привычным, и тайна этих первых впечатлений – уйдет. Она старалась удержать ее, проверяла даже – пахнет ли еще квартира по-новому? Чужая ли еще? Но это было также, как стараться не заснуть – раз и утро.

Скинув ботинки, она ищет рюкзак. Потная, в пальто, в шапке, большая – как гора. Вот он – на кухне, висит на стуле. Водительское удостоверение, страховка, все на месте.

Маша держит документы в руке. Смотрит на часы.

Она садится на пол, прислонившись спиной к стене. Оглядывается – розовые стены, кромка стола, полки с посудой – длинные, тяжелые. Оранжевая пластиковая трубочка под стулом. Балконная дверь, окно. Маша смотрит на все это снизу, так, как смотрит ее дочка. В детстве она, Маша здорово собирала грибы, вытягивала из мха подберезовики на длинных гнутых ножках. На поверхности, вровень со мхом виднелась только шляпка. Сило надавить ладонями по бокам от шляпки и упругий мох оседал, а гриб вырастал – нежная ее добыча. Мама говорила – это потому что ты сама к земле близко, и все видишь. На плиточном полу – крошки большие и крошки маленькие. Тишина. Пол твердый,

прохладный, если лечь на него в мягком дутом пальто, получится, наверное, уютно. Но она так не делает. Она представляет себе Алину, Андрея и Алининых родителей в ресторанчике. Так Алина называет рестораны – ресторанчики. Представляет в момент, когда родители протягивают им картину – их царский портрет. Та упакована? Завернута? Какого она размера? Надо было спросить. Андрей – в горностаевой накидке, жезл и скипетр прилагаются. Алина – в диадеме с цветным камнями. Сапфиры, изумруды. И Роза – нежный, царственный отпрыск. Что они пьют потом? Вино? Кто за это платит – родители или муж? Куда они кладут или ставят картину в ресторане? Как делают так, чтобы в багажнике она не помялась? Затем она представляет лицо дочки. Поднимается. Натягивает ботинки, скачет на одной ноге. Раздается хруст. Это лошадка-качалка, почему-то оказавшаяся на полу в коридоре. Хруст возвращает ее в тишину.

Голова лошадки отломилась. Маша держит ее на ладони. Искушение оказывается слишком велико: она не может устоять и разламывает игрушку до конца. Отрывает хвост, отделяет тело от полукруглой оглобли, отламывает ноги. Как пряник крошит.

Хочется сжать кулак до боли. Она удивляется собственной злости. Ого, да она злится! Злится за эту руку, по-хозяйски опущенную на ее спину третьего дня. И что промолчала. И на Алину – глупую, верную, трогательную – и на слякоть, и тем более на гаишника. Чем сильнее она злится, тем лучше ей становится.

Маша с удовольствием выбрасывает игрушку в мусорный ящик, залпом выпивает стакан воды. Дочка скорее всего не вспомнит: у нее миллион всего. В крайнем случае, Маша что-нибудь придумает.

Через тринадцать минут Маша распахивает дверцу: Алина читает девочкам книжку про собак. У собак выпуклые пластиковые глаза, в которых трясутся шарики-зрачки. Страшенские собачки. Алина выглядит немного испуганной, но улыбается.

– А им говорю, сейчас тетя Маша уже приедет, да девочки? Видите? Вот так.

Девочки смотрят на Машу вопросительно, с ожиданием. Маша прижимается носом к упругой, выпуклой дочкиной щеке, целует ее в висок и в переносицу.

Затем, пока Маша бежит к гаишнику, вкладывает документы в его пухлую ладонь, засовывает паспорт поглубже в сумку, ждет, когда он неспешно все просмотрит – она желает Алине, чтобы портрет действительно дал им то, чего они хотят, и избавил от темного, неизбежного. Желает искренне, почти страстно – как себе.

– Документы больше не забывайте, Мария Дмитриевна, – говорит Гаишник отечески.

– В первый и в последний раз.

– Внимательнее надо быть, – добавляет он совершенно избыточно. Маша делает вид, что не слышит, она уже повернулась спиной. Маша спешит к своим. Кругом – снег.

Об авторе: ЮЛИЯ ЛУКШИНА

Сценарист, прозаик, драматург. Родилась в Москве. Окончила отделение истории искусства исторического факультета МГУ им. Ломоносова, мастерскую драматургии Высших курсов сценаристов и режиссеров (ВКСР). Работала как переводчик, журналист, редактор. Печаталась в журналах «Знамя», «Современная драматургия», «Новый берег», «Новый мир» и др. Рассказы и пьеса переведены на английский. Финалист драматургического конкурса «Любимовка 2016». Премия «Золотой орел» за сериал «Оптимисты» (в соавторстве). Преподает драматургию и литературное мастерство. Живет в Москве. Neкаýalar